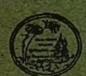
Н. А. Гредескулъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Двѣ рѣчи, произнесенныя
въ засѣданіи Харьковскаго
Юридическаго Общества
19-го марта 1905 года.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія Н. В. Петрова.
Рыбная ул., № 32.
1905.

Н. А. Гредескулъ.

ДВѢ РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ ХАРЬКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

19-го марта 1905 года.

I. Высочайшій указъ Правительствующему Сенату и рескриптъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г.

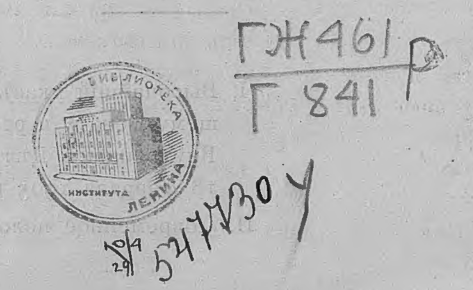
II. Современное положеніе въ Россіи.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія Н. В. Петрова. Рыбная улица, домъ № 32.
1905.

Отдѣльные оттиски изъ Трудовъ Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.
Печатано на основаніи постановленія Совѣта Общества
Предсѣдатель **Ник. Гредескулъ.**

Мм. Гг.!

Послѣднее наше засѣданіе имѣло мѣсто 18-го декабря прошлаго года; съ того времени и по настоящій день, т. е. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, мы бездѣйствовали. Это происходило не отъ того, чтобы у насъ не было научныхъ докладовъ, а по совершенной невозможности спокойно работать среди тѣхъ событій, которыя переживала наша родина и которыя приковывали къ себѣ все наше вниманіе безъ остатка. Событія эти слѣдовали одно за другимъ съ невѣроятной, головокружительной быстротой. Когда теперь дѣлаешь попытку оглянуться назадъ и вспомнить тотъ строй мыслей и чувствъ, съ которыми переживались отдѣльные этапы нашего освободительнаго движенія, то при каждомъ послѣдующемъ изъ нихъ трудно бываетъ достаточно живо представить себѣ состояніе предыдущее, какъ будто каждый изъ этихъ этаповъ, къ моменту наступленія послѣдующаго, уходилъ въ далекое, далекое прошлое, а не отстоялъ отъ него на нѣсколько недѣль, самое большое—на нѣсколько мѣсяцевъ... Когда мы собрались 18 декабря, намъ уже трудно было возстановить себѣ съ ясностью то настроеніе, съ которымъ мы переживали засѣданіе 6 ноября, а теперь намъ одинаково трудно сдѣлать то-же самое по отношенію къ засѣданію 18 декабря.

Среди тѣхъ событій, потокъ которыхъ переживала наша родина въ теченіе послѣдняго полугодія, исключительное по своей важности мѣсто занимаетъ то, что произошло въ Петербургѣ 9 января. Не въ томъ дѣло, что въ этотъ день погибло множество человѣческихъ жизней и была въ изобиліи пролита человѣческая кровь; не въ томъ дѣло, что это было крупное несчастіе, исключительное по своимъ размѣрамъ бѣдствіе; нѣтъ,— крупныя бѣдствія случались и раньше, будутъ случаться и еще

не разъ; бывали у насъ въ Россіи, бывали и въ другихъ странахъ. По числу жертвъ, по ужасу бѣдствія, ходынская катастрофа, вѣроятно, не уступитъ тому, что произошло въ Петербургѣ 9 января. А нынѣшняя война, съ ея моремъ крови, съ ея невообразимыми ужасами!... Нѣтъ, мы думаемъ, что количественная сторона петербургскихъ событій 9 января далеко не представляетъ собою самаго въ нихъ важнаго. Важность ихъ надо измѣрять совсѣмъ другимъ масштабомъ, и она заключается въ слѣдующемъ:

Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ правительство оставалось у насъ единственнымъ руководителемъ нашей общественной и государственной жизни. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно почетнымъ образомъ исполняло эту миссію и дало намъ эпоху великихъ реформъ, обновившую, послѣ крымской войны, весь нашъ опустившійся и одряхлѣвшій государственный организмъ. Но какъ извѣстно, вслѣдъ за сравнительно короткимъ періодомъ подъема реформаторской дѣятельности, уже во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдовала со стороны правительства реакція, растянувшаяся на нѣсколько десятковъ лѣтъ вплоть до нашего времени. Реакція эта уже и съ самаго начала стала быстро усиливаться и разростаться, подавляя собою все, что досталось на долю общества во время великихъ реформъ, но чрезвычайной силы она достигла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда былъ провозглашенъ знаменитый катковскій лозунгъ: «правительство идетъ!» Съ тѣхъ поръ и въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, правительство и въ теоріи, и на практикѣ совершенно отрицало общество, не допускало его ни къ какому участію въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, ни къ какому самостоятельному участію. Тамъ, гдѣ предшествовавшія великія реформы ввели общественное самоуправленіе въ какой нибудь формѣ, отъ него стали требовать только почтительности и повиновенія. Когда-же общество обнаруживало строптивость, его и мѣрами законодательными, и мѣрами административными вводили въ границы или совсѣмъ удаляли со сцены, подчиняя повсюду бюрократическому началу управленія сверху. Наконецъ, подъ давленіемъ репрессій общество затихло и замолкло настолько, что въ русской жизни раздавался только одинъ голосъ «торжествующаго» правительства.

Оно одно всѣмъ распоряжалось и надъ всѣмъ властвовало, имѣя видъ ничѣмъ не сокрушимой силы, пока... пока жестокій внѣшній урокъ (какъ и въ эпоху крымской войны) не показалъ, что эта сила призрачная, что народъ, какъ цѣлое, не можетъ на нее положиться, что истинная народная сила не въ «силѣ», а только «въ правдѣ», въ правдѣ общественной.

Трудно сказать, какъ пошло-бы наше общественное развитіе безъ несчастной японской войны и, конечно, есть много грустнаго въ признаніи того, что только внѣшнее пораженіе могло перемѣстить авторитетъ руководительства русской жизнью отъ бюрократіи къ обществу. Но на факты нельзя безнаказанно закрывать глазъ, несомнѣнный-же фактъ тотъ, что только наше внѣшнее пораженіе наконецъ насъ образумило и открыло намъ глаза на то, что бюрократія нанесла неисчислимый вредъ русскому народу и что только общественная самодѣятельность можетъ вернуть ему порядокъ, спокойствіе и силу. Къ этому присоединился еще и полный крахъ той системы внутренняго управленія, которая, опираясь на бюрократію, вступила въ непримиримую войну съ обществомъ,—крахъ системы Плеве, унесшій съ собой въ могилу и самого воплотителя этой системы, доведшаго ее до геркулесовыхъ столповъ.

Какъ-бы то ни было, но подъ сказаннымъ воздѣйствіемъ и внѣшнихъ, и внутреннихъ пораженій преемникъ Плеве кн. Святополкъ-Мірскій провозгласилъ, при вступленіи въ министерство, свой знаменитый лозунгъ о «довѣріи къ обществу». Тогда общество, съ прозорливостью и настойчивостью, которымъ надо удивляться и которыя заставляютъ твердо вѣрить въ лучшее будущее русскаго народа, стало развертывать логику этого «довѣрія». Въ прессѣ, на банкетахъ, въ общественныхъ собраніяхъ пробудившаяся политическая мысль русскаго народа стала переходить со ступеньки на ступеньку, пока не дошла до идеи народнаго представительства, авторитетно закрѣпленной въ русскомъ политическомъ сознаніи историческими «пунктами» съѣзда земцевъ въ Петербургѣ 6-9 ноября. Когда такимъ образомъ эта идея окончательно выкристаллизовалась, когда стало для всѣхъ очевиднымъ, что разъ ступивъ на путь «довѣрія къ обществу», надо кончить введеніемъ у насъ представительнаго образа правленія, тогда наступилъ періодъ ли-

хорадочнаго ожиданія осуществленія этой идеи. Напряженіе этого ожиданія было такъ велико, что оно порождало миражи, легенды, увѣренность... Ожиданіе осуществленія всѣми сознанной идеи, какъ извѣстно, пріурочилось почему-то къ 6 декабря, и когда этотъ день прошелъ, не принесши русскому обществу страстно имъ желаннаго, то въ общественномъ настроеніи наступилъ коренной переломъ, оно, въ свою очередь, перешло отъ «довѣрія» къ «недовѣрію», — оно перестало вѣрить, перестало ожидать желаемаго сверху, но за то тѣмъ болѣе страстно предалось работѣ снизу... Указъ 12 дек. съ сопровождавшимъ его «правительственнымъ сообщеніемъ», какъ-бы санкціонировалъ недовѣріе общества къ правительству, ибо для всѣхъ стало ясно, что бюрократія не хочетъ уступить своего мѣста обществу, что и законодательство, и управленіе страной она фактически желаетъ оставить въ своихъ рукахъ, выбросивши обществу рядъ обѣщаній, исполненіе которыхъ можетъ быть гарантировано отнюдь не самой бюрократіей, а только народнымъ представительствомъ, такъ какъ они противорѣчатъ самой природѣ бюрократіи. Достаточно сказать, что бюрократія обѣщала намъ водвореніе «законности»,—она, которая есть источникъ всякаго беззаконія и произвола...

Указъ 12 декабря, какъ уже сказано, сопровождался «правительственнымъ сообщеніемъ». Послѣднее составляло вовсе не противуположность (какъ это нѣкоторые думали), а только обратную сторону указа 12 декабря, такъ какъ оно приглашало общество прекратить свое движеніе, положившись на обѣщанія бюрократіи. Смыслъ обоихъ актовъ вмѣстѣ былъ тотъ, что хозяиномъ русской жизни должна по прежнему остаться бюрократія, а общество снова должно замолчать, должно прекратить свою «смуту», должно отказаться отъ своихъ «незаконныхъ» поползновеній добиться активнаго участія въ управленіи страной. «Правительственное сообщеніе» заключало въ себѣ угрозы по адресу общественнаго движенія на случай, если оно не покорится велѣнію замолчать и будетъ продолжать «смуту»,—и, вотъ, значеніе послѣдующаго времени свелось къ вопросу: прекратитъ-ли общество свое движеніе, испугавшись угрозъ? а если не прекратитъ, то приведетъ-ли правительство свои угрозы въ исполненіе?

Общество своего движенія не прекратило,—наоборотъ, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ общества, къ счастію, жизнеспособнаго, а не обреченнаго исторіей на смерть,—оно это движеніе продолжало, расширяло, вносило въ него настойчивость, соединяло съ вызовомъ, дѣлало болѣе крайнимъ и рѣзкимъ, словомъ, замѣняло его интеллектуальную основу болѣе прочной волевой. Тогда положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ стало обостряться и борьба изъ сферы разума и аргументовъ перешла въ область воли; противники потеряли надежду другъ друга убѣдить доводами, они стали воздѣйствовать другъ на друга энергіей воли, настойчивостью, мобилизаціей силъ...

Къ этому моменту и относятся событія 9 января въ Петербургѣ. Въ этотъ день общественное движеніе организовалось въ колоссальную, грандіозную манифестацію съ участіемъ въ ней десятковъ тысячъ рабочихъ. Эта манифестація была мирной по своимъ намѣреніямъ, она состояла изъ безоружныхъ людей, желавшихъ выразить только свои желанія; но за то эта манифестація была уже вся соткана изъ воли, она несла съ собой непреклонный моментъ рѣшимости **говорить**, говорить о томъ, чего желаешь, хотя-бы молчать заставляли оружіемъ и выстрѣлами. И эта рѣшимость **говорить** столкнулась съ рѣшимостью **заставить замолчать**,—заставить оружіемъ и выстрѣлами, посредствомъ страха и ужаса. Роковое столкновеніе совершилось, улицы Петербурга были обагрены кровью мирныхъ гражданъ. Молоху порядка и субординаціи была принесена жестокая, кровавая жертва... И что-же? моральнымъ побѣдителемъ на этомъ полѣ внутренней брани осталось общество. Его хотѣли покорить страхомъ, какъ покоряютъ рабовъ, но оно показало, что оно состоитъ изъ свободныхъ гражданъ, готовыхъ умереть за свои убѣжденія и за свое человѣческое достоинство. И этотъ моральный моментъ съ необычайной ясностью и силой предсталъ предъ русскимъ народомъ. Чувство негодованія на насиліе охватило всѣхъ,—всѣ почувствовали, что совершилось нѣчто представляющее неизмѣримую важность, что рѣшительно столкнулись двѣ воли, одна безоружная, а другая съ оружіемъ въ рукахъ, и что воля безоружная побѣдила волю вооруженную.

Вотъ въ этомъ и заключается великое значеніе событій 9 января. Это не національное несчастіе, а поворотный пунктъ нашей исторіи,—въ этотъ день русскій народъ своею кровью запе-

чатлѣлъ свою рѣшимость добиться для себя лучшей, достойной великаго народа участи. Отнынѣ—для русскаго народа возможенъ (и имъ вполнѣ заслуженъ) только одинъ историческій путь – путь къ самоуправленію, къ политической автономіи, къ самостоятельному распоряженію своей судьбой.— Послѣ событій 9 января стало ясно, что каковъ-бы ни былъ исходъ японской войны, но возвратъ къ прошлому уже не возможенъ, что переходъ къ новому будущему безповоротно обезпеченъ, что орла невозможно удержать въ клѣткѣ, что узникъ уже на половину разбилъ свои оковы и притомъ не съ помощью извнѣ, а усиліями изнутри.

Таковъ смыслъ петербургскихъ событій 9 января, получившихъ свое продолженіе въ Варшавѣ, Ригѣ и въ другихъ городахъ. Послѣ нихъ—дальнѣйшій ходъ русской исторіи не подлежитъ сомнѣнію, и было-бы самое лучшее, если-бы никто больше не противился движенію русскаго народа къ свободѣ и самоопредѣленію, хотя-бы въ виду полной безполезности такого сопротивленія, не говоря уже объ его предосудительности и противорѣчіи съ народными интересами... Но—увы! урокъ все-таки оказался недостаточно поучительнымъ для нашей бюрократіи. Она его почувствовала, но она его не восприняла. Понимая, что невозможно продолжать кровавую репрессію и вооруженное подавленіе общественныхъ силъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рѣшается передъ общественными силами и вполнѣ капитулировать, дать имъ впредь полный просторъ. Она, и послѣ событій 9 января, остается все еще въ состояніи нерѣшительности. Отказавшись, повидимому, отъ попытокъ крайней репрессіи, правительство, однако, не рѣшается перейти и на путь рѣшительнаго слѣдованія общественнымъ желаніямъ. Оно держится гдѣ-то посрединѣ, притомъ безъ руля и безъ вѣтрилъ. Не смотря на то, что эта безпринципная середина представляется болѣе, чѣмъ опасной, ибо она не даетъ ни порядка внутренняго, ни порядка внѣшняго; не смотря на то, что эта безпринципность правительственнаго курса повергаетъ общество въ состояніе явной анархіи, – правительство продолжаетъ ея держаться съ упорствомъ того, кто закрываетъ глаза на все происходящее и сосредоточиваетъ свою волю на осуществленіи какой-то произвольной фантазіи. Нерѣшимость правительства избрать одинъ изъ двухъ (принципіально) возможныхъ путей и его упорство въ слѣдова-

ніи совершенно невозможной безпринципной серединѣ, несомнѣнно проистекаютъ, во 1), изъ его **нежеланія** слѣдовать указаніямъ общества, но, во 2), и изъ его **непониманія** всей опасности середины. Будь въ наличности это пониманіе и оно, конечно, преодолѣло-бы даже нежеланіе отказаться отъ полновластія надъ русской жизнью, ибо это полновластіе все равно невозможно сохранить, — а, слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ лучше и почетнѣе добровольно и своевременно признать свой народъ достигшимъ совершеннолѣтія и дать законное мѣсто его волѣ и разуму въ управленіи самимъ собою.

Итакъ, пагубная нерѣшимость правительства дать мѣсто народу въ управленіи страной; его желаніе не столько удовлетворить общественное движеніе, сколько отъ него отдѣлаться полумѣрами и даже полусловами; его постоянная готовность вновь и вновь переходить къ репрессіи, хотя-бы частично, или даже только на словахъ,—все это продолжается и послѣ событій 9 января. И вотъ, на этой-то почвѣ нерѣшимости режима повернуть круто ни вправо, ни влѣво,—нерѣшимости, проистекающей какъ изъ его **нежеланія** пойти на встрѣчу общественному движенію, такъ и изъ **непониманія** полной невозможности идти наперекоръ пробудившемуся и опредѣлившемуся общественному самосознанію при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мы теперь переживаемъ, — на этой почвѣ именно и выросли наши новѣйшіе законодательные памятники, датированные 18 февраля: манифестъ, указъ сенату и рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгину.

Сопоставляя эти три законодательныхъ памятника, подписанныхъ въ одинъ и тотъ-же день, прежде всего приходится констатировать, что между первымъ изъ нихъ и двумя другими существуетъ коренное внутреннее, ничѣмъ не примиримое противорѣчіе. Тогда какъ манифестъ отражаетъ желаніе идти наперекоръ общественному движенію и снова трактовать его, какъ «смуту» и «крамолу», — снова призывать къ его искорененію и устраненію, хотя бы опираясь на народное невѣжество и въ надеждѣ массой этого невѣжества загасить пробудившееся политическое сознаніе всѣхъ активныхъ слоевъ русскаго народа, указъ и рескриптъ, наоборотъ, выражаютъ намѣреніе пойти съ обществомъ на компромисъ и, притомъ, уже путемъ призыва къ участію въ законодательствѣ народныхъ предста-

вителей, избранныхъ населеніемъ. Я не касаюсь пока содержанія указа и рескрипта, а также того, насколько они, дѣйствительно, удовлетворяютъ ясно выразившимся общественнымъ желаніямъ—къ этому мы перейдемъ ниже—я констатирую только, что они вытекаютъ изъ совершенно иной политической тенденціи, чѣмъ манифестъ. Манифестъ, съ одной стороны, указъ и рескриптъ—съ другой, представляютъ собою—и это въ высшей степени характерно для оцѣнки нынѣшняго правительства—два противуположныхъ полюса, между которыми колеблется безъ всякой сколько-нибудь опредѣленной политической программы нынѣшній правительственный курсъ. И что въ соотношеніи между этими законодательными памятниками, народившимися на свѣтъ Божій въ одинъ и тотъ же день, есть не только внутреннее противорѣчіе но и, вообще, что-то неладное, это для широкой публики стало ясно изъ выговора, который получилъ редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» отъ министра внутреннихъ дѣлъ за напечатаніе манифеста раньше соблюденія предписанныхъ закономъ необходимыхъ для этого формальностей. Очевидно, съ опубликованіемъ манифеста, изъ-за какихъ-то цѣлей, сперва чрезмѣрно поспѣшили, а потомъ имѣли основаніе пожалѣть о такой поспѣшности, нарушившей даже законное теченіе дѣлъ этого рода.

Мы сказали, что указъ и рескриптъ пытаются идти навстрѣчу общественнымъ желаніямъ, но можетъ ли общество быть ими удовлетворено? Можетъ ли оно прекратить освободительную борьбу и приступить къ спокойному извлеченію плодовъ изъ достигнутыхъ результатовъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Не говоря уже о самомъ содержаніи указа и рескрипта (которое, какъ мы увидимъ ниже, далеко не можетъ быть признано удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія цѣлей освободительнаго движенія), но и помимо того, при нынѣшнемъ состояніи правительственнаго курса, при томъ непониманіи положенія дѣлъ и полномъ нежеланіи отказаться отъ традиціоннаго полновластія надъ русской жизнью, на которыя мы указывали выше, можно, вѣдь, ожидать всего: не только отложенія осуществленія намѣченной реформы въ безконечно долгій ящикъ (какъ это и дѣйствительно вытекаетъ изъ опубликованнаго плана работъ коммиссіи А. Г. Булыгина), но даже и полнаго ея **уничтоженія**. Если манифестъ, совершенно противуположный

по своимъ тенденціямъ рескрипту, могъ ему предшествовать то почему такой же манифестъ не можетъ за нимъ послѣдовать, чтобы совершенно его аннулировать? Манифестъ до рескрипта, Манифестъ послѣ рескрипта—и всему дѣлу конецъ! И мы должны, высказывая здѣсь свое убѣжденіе до конца, прибавить, что если-бы дѣло зависѣло только отъ одного верха, то такъ-бы непремѣнно и было!

При такихъ обстоятельствахъ возникаетъ грустный вопросъ: стоитъ-ли вообще серьезно считаться съ законодательными памятниками подобнаго рода, съ законами, которые каждый день могутъ быть взяты обратно, или совершенно искажены?

Признаться, дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ.

Но что-же, въ такомъ случаѣ, дѣлать?

Еще болѣе трудный вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, мы, составляя ученое юридическое общество, должны, какъ мнѣ кажется, продолжать нашу направляющую идейную работу передъ русскимъ обществомъ среди тѣхъ событій, которыя мы теперь переживаемъ. Съ этой точки зрѣнія мы должны: 1) уяснить и оцѣнить содержаніе указа и рескрипта отъ 18-го февраля, какъ актовъ, все-же легально расширяющихъ права русскаго общества и косвенно выражающихъ собою возрастаніе его фактической силы и вліянія, а, 2) такъ какъ Россія, съ астрономической неизбѣжностью (какія бы ни ставили этому препятствія) и подъ страхомъ остаться иначе за флагомъ во всемірной исторіи, стремится къ конституціонному образу правленія, то надо, какъ можно скорѣе, ввести русское общество въ кругъ и пониманіе вопросовъ конституціоннаго права; послѣдняя задача ложится, конечно, въ особенности на юридическія силы страны и, въ частности, на ученыя юридическія общества.

Обращаюсь къ первой изъ двухъ только-что намѣченныхъ задачъ. Важнѣйшимъ, съ общественной точки зрѣнія, мѣстомъ указа правительствующему сенату являются слѣдующія слова: «признали Мы за благо облегчить всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ возможность непосредственно быть Нами услышанными». Съ этою цѣлью совѣту министровъ указомъ поручается «разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся

усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

Въ приведенныхъ словахъ справедливо усматриваютъ узаконеніе у насъ права **петицій** передъ верховной властью по всѣмъ вопросамъ государственнаго устройства и народнаго благосостоянія. Однако, наиболѣе важнымъ въ данномъ случаѣ надо признать не самое это право петицій (ибо подача петицій можетъ имѣть серьезное общественное значеніе только тогда, когда онѣ направляются къ органамъ народнаго представительства), а логически подразумѣваемое имъ право имѣть **сужденіе** и **обсужденіе** по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ государственной и общественной жизни, причемъ, конечно, предполагается полная **свобода** этихъ сужденій и обсужденій, ибо иначе невозможно было бы гражданамъ и учрежденіямъ составить себѣ свой собственный опредѣленный взглядъ на тѣ или иные предметы. До сихъ поръ частныя лица не могли свободно касаться у насъ многихъ вопросовъ дѣйствующаго государственнаго права, а каждое изъ существующихъ «учрежденій» имѣло свой кругъ вѣдомства и компетенціи, выхожденіе изъ котораго всегда сопровождалось для него мѣрами пресѣченія и репрессіи. Отнынѣ-же, разъ и каждое частное лицо, и всякое учрежденіе получило, въ силу указа Правительствующему Сенату отъ 18-го февраля, право представлять въ Совѣтъ Министровъ на имя Государя Императора свои виды и предположенія по всѣмъ вопросамъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, то, значитъ, какъ частныя лица, такъ и всѣ учрежденія получили вмѣстѣ съ тѣмъ и легальное право свободно обсуждать всѣ вопросы государственной и общественной жизни, приходить по поводу нихъ къ тѣмъ или инымъ заключеніямъ и выводамъ и свои виды и предположенія направлять къ Верховной власти,—притомъ все это — съ цѣлью «усовершенствованія» и «улучшенія», т. е. ради измѣненія, ради реформы того, что въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей признается частными лицами и учрежденіями «плохимъ» или «несовершеннымъ». Послѣ указа 18 февраля, это легальное публичное право каждаго русскаго гражданина и каждаго русскаго учрежденія. Но если это такъ, то нечего и говорить о томъ, какую важную легальную перемѣну вноситъ указъ 18 февраля въ составъ публичныхъ правъ русскихъ гражданъ. Конечно, мы легально-же ничѣмъ не гаранти-

рованы въ томъ, что завтра или послѣ-завтра этотъ указъ не будетъ отмѣненъ нынѣшней законодательной властью; мы не гарантированы также въ томъ, что и безъ формальной отмѣны этого указа, онъ не будетъ искаженъ и пресѣченъ въ своемъ практическомъ дѣйствіи незаконными мѣрами администраціи; мы, поэтому, безсильны опредѣлить, насколько важную **фактическую** перемѣну внесетъ этотъ указъ въ правовой строй русской жизни,—но какъ юристы, разсматривая непосредственно данное намъ содержаніе указа, мы можемъ и должны констатировать, что имъ создано для русскихъ гражданъ весьма важное публичное право,—право **свободнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ русской жизни;** право этого именно содержанія отнынѣ, несомнѣнно, существуетъ въ русской правовой системѣ и мы, какъ юристы, не выполнили-бы своего профессіональнаго долга, если-бы не указали обществу на его существованіе.

Итакъ, какъ юристъ, я констатирую предъ вами описанное право и думаю, что никто изъ здѣсь присутствующихъ юристовъ не станетъ возражать противъ его существованія. Но если это такъ, то, какъ гражданинъ, я вамъ совѣтую и предлагаю немедленно-же реализовать это право, подвергнувъ всестороннему обсужденію нынѣшнее положеніе нашего отечества съ цѣлью найти и указать тѣ мѣры, съ помощью которыхъ Россія могла-бы выйти на путь дѣйствительнаго государственнаго благоустройства и прочнаго народнаго благосостоянія. Я сказалъ, что я совѣтую и предлагаю вамъ это, какъ **гражданинъ**, а не какъ юристъ, или профессоръ университета, или какъ кто-бы то ни было другой. Въ самомъ дѣлѣ, исторія поставила всѣхъ насъ, безъ различія нашихъ профессій, передъ общей гражданской задачей: совершить переходъ къ новымъ устоямъ государственной жизни, водворить въ своей странѣ такой правопорядокъ, который вывелъ-бы ее изъ ея нынѣшняго ужаснаго состоянія и обезпечилъ-бы ей въ будущемъ правильное общественное развитіе. Харьковское юридическое общество не впервые становится лицомъ къ лицу передъ этой общей гражданской задачей нашей родины, не впервые превращается въ собраніе гражданъ, ревнующихъ о благѣ своего отечества. Подобно многимъ другимъ общественнымъ и профессіональнымъ собраніямъ, оно уже высказалось по коренному и основному теперь для Россіи вопросу, и высказалось даже дважды,

въ засѣданіяхъ 6 ноября и 18 декабря. Но основная задача, стоящая передъ русскими гражданами, къ сожалѣнію, все еще не только не разрѣшена, но крайне осложнилась всѣми тѣми обстоятельствами, на которыя мною было указано выше. Эта задача могущественно и непреоборимо движется къ своему практическому осуществленію, но теперь она проходитъ, можетъ быть, черезъ самое опасное и критическое мѣсто своего шествія, и потому мы снова должны обратиться къ ней,—обратиться, какъ граждане, но съ тѣми спеціальными рессурсами и свѣдѣніями, какими мы располагаемъ, какъ юристы, объединенные въ ученое общество, имѣющее въ своемъ составѣ и силы теоретическія, и силы практическія. Мы должны всесторонне взвѣсить и обсудить переживаемый моментъ и указать тотъ путь, какимъ надо слѣдовать, чтобы изъ ужасовъ и несчастій, уже охватившихъ нашу родину и еще больше того грозящихъ ей въ будущемъ, вывести ее, наконецъ, къ мирному и нормальному состоянію культурнаго европейскаго государства. И если мы раньше обращались къ этой общей задачѣ, прорываясь, такъ сказать, черезъ существовавшія для этого затрудненія и препятствія, то теперь это для насъ тѣмъ болѣе обязательно, что легальный путь къ этому расчищенъ. При наличности указа отъ 18 февраля, никто не смѣетъ сказать, что ставя передъ собой нашу общую гражданскую задачу, обращаясь къ прямому и непосредственному обсужденію текущаго политическаго положенія нашегоотечества, мы будто-бы выходимъ изъ легальныхъ рамокъ или нарушаемъ предѣлы своей компетенціи, какъ ученаго общества. Наоборотъ, тотъ, кто намъ ставилъ-бы къ этому теперь препятствія, совершилъ-бы прямое беззаконіе!

Итакъ, я предлагаю вамъ, ссылаясь на наше легальное къ тому, въ силу указа Правительствующему Сенату отъ 18 февраля, право, приступить въ дальнѣйшемъ къ свободному обсужденію нынѣшняго тяжелаго положенія Россіи и посильно указать тѣ средства, какими ее можно вывести на путь мирнаго преуспѣянія и развитія.

Перехожу теперь къ другому законодательному памятнику, составляющему предметъ моего сегодняшняго сообщенія,—къ Высочайшему рескрипту отъ 18 февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина. Важнѣйшими мѣстами въ рескриптѣ надо признать слѣдующія: «Я вознамѣрился отнынѣ

съ Божьею помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», но все это «при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи».

Устанавливая, на основаніи только-что приведенныхъ мѣстъ, важнѣйшее содержаніе рескрипта, надо сказать, что онъ обѣщаетъ намъ введеніе у насъ народнаго представительства, однако, только съ правомъ **совѣщательнаго**, а не рѣшающаго участія въ законодательствѣ, что съ несомнѣнностью явствуетъ изъ оговорки, что нынѣшніе основные законы Имперіи должны и впредь остаться незыблемыми.

Итакъ, обѣщанное намъ рескриптомъ народное представительство будетъ только **законосовѣщательнаго** характера. Насколько удачными оказывались учрежденія этого рода въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они имѣли мѣсто, это будетъ видно изъ послѣдующаго доклада А. Н. Орлова, посвященнаго именно этой темѣ. Поэтому я и не буду здѣсь касаться этой стороны дѣла. Но есть другая сторона дѣла, несравненно болѣе для насъ важная въ настоящее время: можетъ-ли удовлетвориться русское общество дарованіемъ ему законосовѣщательнаго народнаго представительства? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вопросъ этотъ былъ еще сомнительнымъ и возможно, что если бы то, что составляетъ собою существенное содержаніе рескрипта отъ 18 февраля, вошло въ составъ манифеста отъ 12 декабря при рѣшительномъ намѣреніи правительства дѣйствительно дать мѣсто свободному мнѣнію русскаго общества, то русское общество было-бы умиротворено и перешло-бы отъ борьбы и возбужденія къ мирной работѣ составленія и выраженія своего свободнаго мнѣнія. Правда, это мнѣніе, въ концѣ концовъ, неизбѣжно свелось-бы къ тому, что совѣщательную функцію избраннаго народнаго представительства надо замѣнить функціей рѣшающей, но это превращеніе консультаціи въ желаніе рѣшать дѣло по существу улеглось-бы въ законныя формы и, при благожелательномъ отношеніи правительства къ факту наступившаго совершеннолѣтія своего народа, могло бы мирно и тріумфально закончиться учредительнымъ конституціоннымъ актомъ сверху. Такимъ образомъ, раньше дарованіе законосовѣщательнаго народнаго представительства

могло-бы сразу-же поставить дѣло на мирную ногу и стать исходнымъ, начальнымъ пунктомъ спокойной и закономѣрной политической эволюціи русскаго государственнаго строя отъ его нынѣшняго состоянія къ европейскому конституціонному режиму. Но совсѣмъ не то теперь. Общество уже не можетъ относиться съ довѣріемъ къ намѣреніямъ правительства; оно не можетъ усматривать въ провозглашенномъ обѣщаніи ввести у насъ законосовѣщательное народное представительство дѣйствительной рѣшимости правительства добровольно считаться съ мнѣніемъ русскаго народа, каково-бы ни было его содержаніе,—наоборотъ, въ рескриптѣ оно справедливо видитъ только подачку съ цѣлью отдѣлаться отъ мнѣнія русскаго народа, а не дать ему, дѣйствительно, подобающее ему мѣсто; наконецъ, русское общество настолько взволновано и раздражено, что оно потеряло охоту къ такому взаимодѣйствію съ правительствомъ, при которомъ надо сознательно закрывать глаза на расхожденіе намѣреній обѣихъ сторонъ и дѣлать видъ, что принимаешь все за чистую монету. Словомъ, тотъ историческій моментъ, при которомъ общество, на первый разъ и для начала, могло-бы удовлетвориться законосовѣщательной функціей и принять ее на себя съ благодарностью, упущенъ безвозвратно. Теперь, чтобы удовлетворить общество, надо прямо и немедленно дать русскому народу **рѣшающій** голосъ въ законодательствѣ и управленіи страной,—а такъ какъ рескриптъ отъ 18 февраля этого не дѣлаетъ, то онъ способенъ только усугубить, а не устранить достигшій въ настоящее время крайней степени раздоръ между правительствомъ и обществомъ.

Итакъ, уже самымъ существомъ своего содержанія—обѣщаніемъ лишь законосовѣщательной функціи—рескриптъ скорѣе дразнитъ и раздражаетъ русское общество, чѣмъ его успокаиваетъ; поэтому, уже по этой причинѣ, онъ не можетъ стать актомъ примиренія между обществомъ и правительствомъ и положить начало совмѣстной и дружной ихъ работѣ надъ созиданіемъ «новой», лучшей Россіи. Но, сверхъ всего этого, какъ обставлено въ рескриптѣ самое обѣщаніе законосовѣщательной функціи русскому обществу! Не говоря уже о томъ, что оно введено въ рескриптъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, т. е. въ законодательный актъ, далеко не соотвѣтству-

ющій по своему внѣшнему достоинству вложенному въ него внутреннему содержанію; не взирая на это внѣшнее и явное желаніе унизить самое обѣщаніе и свести его на рангъ третьестепеннаго, — но какъ обставлено оно внутри самого рескрипта! Народные представители призываются, по рескрипту, къ участію «въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Что значитъ къ «предварительной» разработкѣ? Вѣдь предварительная разработка законопроэктовъ можетъ быть весьма различныхъ степеней. Въ настоящее время законодательныя предположенія вносятся въ Государственный Совѣтъ министрами; для министровъ ихъ «предварительно» подготовляютъ директора департаментовъ,—для директоровъ департаментовъ—начальники отдѣленій, для начальниковъ отдѣленій – столоначальники—все это, вѣдь, «предварительная» разработка законодательныхъ предположеній! На правахъ кого-же изъ названныхъ только что чиновъ будутъ «предварительно» разработывать законодательныя предположенія народные представители? На правахъ столоначальниковъ, или начальниковъ отдѣленій? Содержаніе рескрипта, по своей неопредѣленности, дѣлаетъ не вполнѣ шуточными и подобные вопросы! Но если мы признаемъ ихъ даже шуточными, то совсѣмъ не шуточнымъ является вопросъ, не предположено-ли сохраняя «незыблемыми» основные законы имперіи, вносить «предварительно» разработанные народными представителями законопроэкты въ нынѣшній Государственный Совѣтъ? Разъ употреблены въ рескриптѣ слова «предварительная» разработка, то этотъ послѣдній вопросъ не только умѣстенъ, но даже прямо неизбѣженъ по содержанію рескрипта, ибо, если не сдѣлать указаннаго предположенія, то къ чему-же вообще употреблено въ текстѣ рескрипта слово «предварительная» разработка? Если оно употреблено, и притомъ употреблено сознательно и намѣренно, то значитъ, между избраннымъ отъ населенія народнымъ представительствомъ и Государемъ Императоромъ по прежнему долженъ «кто то» стоять, чтобы производить уже не «предварительную», а «окончательную» разработку законодательныхъ предположеній передъ ихъ представленіемъ Государю.

Такимъ образомъ «народное представительство» рескрипта стоитъ ниже даже славянофильской идеи, ибо между народомъ и Верховной Властью оставляетъ какое-то «средостѣ-

ніе», долженствующее преломлять, а, слѣдовательно, и искажать «совѣты» народнаго представительства, раньше чѣмъ они дойдутъ до Престола. Въ концѣ концовъ, трудно сказать, какому образцу, какому типу, или какой идеѣ соотвѣтствуетъ то, что воплощено въ рескриптѣ. Въ сущности, это что-то еще неслыханное по своей безъидейности, какой-то политическій monstrum prodigiosum, родившійся на почвѣ той безпринципсти и нерѣшительности, которыя вообще столь характерны для нынѣшнихъ правителей Россіи. Можно сказать, что передъ русскимъ обществомъ пока не болѣе, какъ только произнесено слово «народное представительство» безъ всякаго опредѣленнаго и реальнаго содержанія, да и съ реализаціей этого слова болѣе, чѣмъ не спѣшатъ. Опубликованный только что планъ работъ коммиссіи А. Г. Булыгина придаетъ всему дѣлу столь беззаботно длительный характеръ, что невольно возбуждаетъ подозрѣніе: да понимаетъ-ли правительство всю тягостность и даже всю невыносимость нынѣшняго положенія? неужели оно не видитъ, что страна находится въ мучительной агоніи родовъ новаго порядка? и неужели оно думаетъ, что родильницѣ въ такіе моменты можно серьезно предлагать планъ помощи, исполненіе котораго требуетъ многихъ мѣсяцевъ, если не года или больше того времени? Если правительство будетъ исполнять свою роль съ такимъ пониманіемъ дѣла, то роды произойдутъ безъ него или помимо него, да едвали-ли при этомъ и самый процессъ ихъ окажется вполнѣ нормальнымъ.

Во всякомъ случаѣ мы, какъ свѣдущіе въ общественныхъ вопросахъ люди, какъ члены ученаго юридическаго общества, не можемъ стоять на точкѣ зрѣнія нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ гофмейстера А. Г. Булыгина. Изъ простого уваженія къ истинѣ, и не желая закрывать глазъ на происходящее, мы должны сказать, что страна уже претерпѣваетъ муки родовъ новаго порядка и что мы наканунѣ скораго его рожденія. Къ этому новому порядку надо готовиться, и мы, какъ ученое общество, считаемъ, что на насъ прямо ложится обязанность идейной подготовки русскаго общества къ будущему порядку,—мы полагаемъ, что для успѣшнаго дѣйствія этого будущаго новаго порядка надо заранѣе и основательно ознакомить широкіе слои русскаго общества со всѣми фактами и вопросами конституціоннаго права. Совѣтъ Харьковскаго юри-

дическаго общества обсуждалъ программу нашей дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи, въ принципѣ ее вполнѣ одобрилъ, и я могу заявить, что уже имѣется въ виду рядъ докладовъ, частію обѣщанныхъ, а частію намѣченныхъ, въ сферѣ интересующихъ насъ теперь вопросовъ. Сверхъ того я вношу предложеніе выбрать изъ состава нашего общества особую коммиссію, которая занялась-бы выработкой проэкта основного статута для будущаго русскаго государственнаго строя, а также критической оцѣнкой тѣхъ попытокъ, какія въ этомъ направленіи уже существуютъ, или въ будущемъ будутъ имѣть мѣсто.

Мы обсуждаемъ текущее положеніе Россіи съ цѣлью указать тѣ средства, съ помощью которыхъ наше отечество можно было-бы вывести изъ его нынѣшняго ужаснаго состоянія,— вывести на путь спокойнаго и нормальнаго развитія, способнаго обезпечить ему счастливое и достойное великаго культурнаго народа будущее. Чтобы указать правильныя средства лѣченія недуга, очевидно, надо сперва поставить правильный діагнозъ болѣзни,—и, вотъ, я прежде всего спрашиваю: въ чемъ же самая суть нашего нынѣшняго недуга? каковъ діагнозъ нашего современнаго положенія? Я полагаю, что самый правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно форму лировать очень кратко: правительства, власти, какъ соціальнаго авторитета и регулятора, у насъ въ настоящее время **нѣтъ**.

Замѣчу, что ставя такой діагнозъ современнаго положенія Россіи, я желаю говорить и утверждаю, что, дѣйствительно, говорю только **отъ имени науки**. Я ставлю этотъ діагнозъ такъ же, какъ дѣлаетъ это медикъ, опираясь на данныя медицинской науки. Разница между нами только въ томъ, что я опираюсь, соотвѣтственно разницѣ въ предметѣ изслѣдованія, не на данныя медицинской, а на данныя общественной науки. Вполнѣ возможно, что я въ своемъ діагнозѣ ошибаюсь и эта ошибка можетъ зависѣть, какъ отъ недостатковъ общественной науки (напр., отъ недостовѣрности ея заключеній или отъ несовершенства ея теорій), такъ и отъ моихъ собственныхъ недостатковъ (напр., отъ неправильнаго примѣненія мною къ конкретному случаю общихъ данныхъ науки),—но я все же утверждаю, что я ставлю свой діагнозъ не какъ политикъ и не въ цѣляхъ политическихъ,

а какъ ученый и исключительно въ цѣляхъ истины,—я исхожу изъ опредѣленной теоріи власти, которую вамъ сейчасъ изложу, и по отношенію къ которой нынѣшнее положеніе вещей въ Россіи представляетъ собою, на мой взглядъ, только простую иллюстрацію. Подобно тому, какъ ученый медикъ, излагая свои теоріи, демонстрируетъ ихъ соотвѣтственными больными, такъ и соціологъ могъ бы демонстрировать въ настоящее время свои теоріи такимъ, къ сожалѣнію, «прекраснымъ» для его цѣлей больнымъ, какъ Россія. При этой демонстраціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, соотвѣтствіе съ теоріей оказывается столь очевиднымъ, что на многое даже не надо и «пальцемъ» показывать.

Итакъ, я прежде всего приступаю къ изложенію теоріи власти.

Существуетъ совершенно неправильное воззрѣніе, будто бы существо власти сводится просто къ физической силѣ, что власть —это штыкъ, палка, пуля; что, будто бы, кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Это воззрѣніе совершенно неправильно, потому что власть штыка или пули простирается не далѣе разстоянія ихъ удара, да и то не всегда; кто предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ повиноваться, того пуля или штукъ могутъ убить или ранить, но совершенно безсильны имѣть надъ тѣмъ дѣйствительную власть.—Власть — меньше всего тождественна съ физической силой; власть — есть фактъ психическій, и она существуетъ только тамъ, гдѣ есть повиновеніе; власть и повиновеніе—суть понятія соотносительныя и болѣе важнымъ изъ нихъ является скорѣе повиновеніе, чѣмъ власть; гдѣ есть повиновеніе, тамъ, конечно, существуетъ и власть,—но гдѣ есть власть, тамъ, само собою вовсе еще не разумѣется существованіе повиновенія,—возможно,что оно существуетъ, а возможно, что и нѣтъ.

Итакъ, съ соціологической точки зрѣнія, основнымъ понятіемъ въ теоріи власти является **повиновеніе**, а власть—есть понятіе съ нимъ хотя и соотносительное, но зависимое, производное. Истину эту до извѣстной степени чувствуетъ даже то ходячее воззрѣніе, которое готово отождествить понятіе власти съ понятіемъ физической силы.

Дѣло въ томъ, что если мы заставимъ приверженцевъ этого воззрѣнія уяснить намъ подробнѣе, въ чемъ же, собственно, дѣло, то они скажутъ намъ: дѣло заключается въ томъ, что тотъ, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ палку, штыкъ или пулю,

тотъ можетъ угрожать ими другимъ, а угроза вызываетъ страхъ, а страхъ заставляетъ повиноваться. Итакъ, вотъ какова цѣпь разсужденія поклонниковъ физической силы: она равносильна власти, потому что, съ помощью страха, даетъ повиновеніе; физическая сила есть, значитъ, средство для достиженія повиновенія, а достигнутое повиновеніе—даетъ власть.

И, вотъ, это сочетаніе, первый членъ котораго составляетъ физическая сила, а послѣдній - власть, - сочетаніе, между конечными членами котораго вмѣщается страхъ и повиновеніе,—это сочетаніе и является формулой ходячей политической мудрости. Весьма многіе—и изъ числа властвующихъ, и изъ числа подвластныхъ — вѣруютъ въ нее, какъ въ катехизисъ, считаютъ ее политическимъ догматомъ или политическимъ закономъ, **его-же не прейдеши**, думаютъ, что корень и источникъ всякой власти заключаются единственно въ физической силѣ, или, по крайней мѣрѣ, что всякая физическая сила обезпечиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и власть...

И, однако, эта формула власти, не смотря на всю ея распространенность, совершенно невѣрна; она такъ-же невѣрна, какъ и та мнимая истина, за отрицаніе которой судили Галилея: будто земля стоитъ неподвижно, а движется вокругъ нея солнце. Какъ это ни казалось когда-то очевиднымъ, тѣмъ не менѣе оказалось невѣрнымъ; то, что считали непреложной истиной, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказалось не болѣе, какъ ошибкой,—ошибкой, правда, извинительной и даже для тѣхъ, кто ее дѣлалъ, пожалуй, неизбѣжной, – но все-же ошибкой. Такой-же ошибкой, можетъ быть, извинительной и даже для впадающихъ въ нее неизбѣжной, является и утвержденіе, что власть истекаетъ изъ физической силы.

Въ самомъ дѣлѣ обратимся къ болѣе тщательному изслѣдованію указанныхъ соціальныхъ феноменовъ—власти, страха, повиновенія.

Нельзя не признать, что однимъ изъ источниковъ повиновенія, дѣйствительно, является страхъ,—однако, вовсе не у всѣхъ одинаково и не во всемъ. У одного и того-же человѣка угрозой, насиліемъ, страхомъ можно вынудить одно, и не вынудить другого. Въ этомъ отношеніи въ сердцѣ даже самаго робкаго человѣка есть разграничительная черта, по одну сторону которой лежитъ покорное повиновеніе, а по другую—на-

чинается уже строптивость и бунтъ. Но, конечно, у разныхъ людей эта разграничительная черта проведена различно, почему они и раздѣляются на робкихъ и смѣлыхъ, трусливыхъ и мужественныхъ. И подобно отдѣльнымъ людямъ, также и цѣлые народы могутъ имѣть болѣе рабскую или болѣе свободную натуру. Очевидно, что, въ соотвѣтствіи съ этимъ, и описанная выше теорія власти должна имѣть различное приложеніе у тѣхъ и другихъ. Само собой разумѣется, что чѣмъ болѣе рабскую и трусливую душу имѣетъ народъ, тѣмъ болѣе благодарную почву будетъ представлять онъ для власти, основанной на страхѣ. Народъ же свободолюбивый, гордый, любящій свою индивидуальность, проникнутый чувствомъ собственнаго достоинства никогда не будетъ пригоднымъ объектомъ для культуры повиновенія, основаннаго на чистомъ страхѣ; такой народъ или сброситъ иго чуждой ему физической силы, или предпочтетъ смерть позору подневольнаго существованія.

Итакъ, мы должны прежде всего ограничить разбираемую теорію съ той стороны, гдѣ она считаетъ себя наиболѣе сильной: со стороны страха, внушаемаго физической силой. Во всякомъ случаѣ надо признать, что далеко **не все**, и далеко **не у всякаго** можетъ быть вынуждено страхомъ и физической силой. Есть несомнѣнный предѣлъ дѣйствію страха, и у народовъ свободолюбивыхъ, мужественныхъ, жизнеспособныхъ—этотъ предѣлъ лежитъ вовсе не такъ далеко.

Однако, еще болѣе важное ограниченіе въ приведенную формулу власти мы должны внести съ другой стороны. Вѣдь, повиновеніе, которое есть несомнѣнная основа и подкладка власти, вовсе не всегда вытекаетъ изъ страха, а потому оно можетъ не имѣть рѣшительно никакого отношенія къ физической силѣ. Повиновеніе можетъ вытекать изъ гораздо болѣе благороднаго, чѣмъ страхъ, источника, а именно изъ прямого и чистаго довѣрія къ чьему-либо руководству, изъ сознанія и увѣренности въ томъ, что чье-либо руководство или совершенно безкорыстно, или, во всякомъ случаѣ, благожелательно и полезно для самого руководимаго. Въ этихъ случаяхъ, психологическая цѣпь, приводящая къ повиновенію, начинается не съ физической силы, а съ какихъ-либо особенныхъ качествъ руководителя, которыя возбуждаютъ охоту добровольно имъ повиноваться, которыя ведутъ къ тому, что въ лицѣ руководителя

для тѣхъ, кто ему добровольно повинуется, создается авторитетъ, престижъ, обаяніе. Авторитетъ этотъ можетъ быть разнаго качества, онъ можетъ ограничиваться въ своемъ дѣйствіи только той или иной сферой, но, во всякомъ случаѣ, понятія авторитета и физической силы не только между собою не совпадаютъ, но, можно сказать, что именно въ понятіи (begrifflich — какъ выражаются нѣмцы) они не имѣютъ между собою ничего общаго.

Авторитетъ и физическая сила—въ понятіи,—наоборотъ другъ друга исключаютъ; физическая сила, сама по себѣ и какъ таковая, не имѣетъ никакого авторитета и, наоборотъ, колоссальный авторитетъ можетъ вмѣщаться въ величайшей физической немощности.

Итакъ, очевидно, что если даже признать, что обладаніе физической силой можетъ вести къ власти, то, во всякомъ случаѣ, физическая сила имѣетъ въ этомъ отношеніи себѣ несомнѣннаго конкуррента въ лицѣ авторитета. Но если такъ, то является невольный и чрезвычайно важный вопросъ: какое изъ двухъ повиновеній играетъ въ соціальной жизни большую и болѣе важную роль,—то-ли, которое основывается на страхѣ и на физической силѣ, или то, которое основывается на довѣріи и авторитетѣ? Конечно, никто въ этой области не производилъ точныхъ измѣреній или правильной статистики, поэтому и отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть безспорнымъ, тѣмъ болѣе, что положеніе дѣла, въ этомъ отношеніи, въ разныхъ обществахъ различно. Но если мы возьмемъ современныя культурныя общества съ ихъ сложно развитой и разнообразной жизнью; если мы вспомнимъ, какъ часто въ этихъ обществахъ однимъ приходится въ своемъ поведеніи слѣдовать указаніямъ другихъ; если мы вспомнимъ, какая масса повиновенія, и притомъ точнаго и охотнаго, требуется въ нихъ для правильнаго хода какъ ихъ техническихъ, экономическихъ, такъ и разнообразныхъ общественныхъ процессовъ, — то, мнѣ кажется, мы должны будемъ скорѣе признать то, что главная масса практикующагося въ нихъ повиновенія основана на авторитетѣ, чѣмъ то, что она основана на физической силѣ. Во всякомъ случаѣ, если бы мы затруднились въ такомъ признаніи по отношенію къ какому-нибудь опредѣленному конкретному обществу или государству, то все-же мы должны были-бы признать, что прогрессивное общественное развитіе, несомнѣнно, ведетъ

къ преобладанію добровольнаго повиновенія надъ подневольнымъ и что всякій исторически - жизнеспособный народъ долженъ передвигаться отъ господства въ немъ типа подневольнаго дѣйствія къ господству типа дѣйствія добровольнаго.

Послѣднее вытекаетъ изъ соображеній двоякаго порядка:

1. Дѣйствіе подневольное—грубо, неподвижно, лѣниво, ненадежно. Поэтому оно можетъ съ успѣхомъ входить въ составъ какой - нибудь несложной и примитивной системы дѣйствій, не требующей тонкаго приспособленія къ обстановкѣ и точнаго согласованія отдѣльныхъ частей между собою. Разъ-же общественная жизнь, въ какихъ-бы то ни было областяхъ, начинаетъ требовать сложныхъ и искусныхъ предпріятій, то подневольное дѣйствіе оказывается для нихъ крайне непригоднымъ матеріаломъ, – оно становится тормазомъ къ ихъ надлежащему осуществленію и, притомъ, въ такой степени, что народъ или оказывается не въ состояніи перейти къ болѣе сложнымъ и тонкимъ предпріятіямъ, застывая на примитивныхъ ступеняхъ культуры, или начинаетъ неудержимо передвигаться къ свободному и самостоятельному типу. Я не буду развивать болѣе подробно этой мысли; замѣчу только, что экономисты неопровержимо установили, что именно эта причина, съ усложненіемъ экономическаго быта, передвинула населеніе отъ рабства къ крѣпостничеству, и затѣмъ отъ крѣпостничества—къ свободному труду. Позволю себѣ также высказать убѣжденіе, что и современная война требуетъ свободнаго, а не подневольнаго дѣйствія и что, поэтому, нашей крайней невыгодой, по сравненію съ японцами, является какъ преобладаніе въ самой организаціи нашей арміи скорѣе дѣйствія по приказу, чѣмъ по собственной иниціативѣ, такъ и тотъ фактъ, что японцами эта война ведется съ гораздо большей охотой и воодушевленіемъ, чѣмъ нами.

2. Нравственное развитіе личности ведетъ къ тому, что дѣйствіе подневольное становится ей непріятнымъ, тягостнымъ или даже вызываетъ реакцію противъ себя. Нравственно-развитая личность болѣе способна къ повиновенію и можетъ дать гораздо большую его массу, чѣмъ личность нравственно неразвитая, но только при одномъ условіи: если отъ нея требуютъ повиновенія «не за страхъ, а за совѣсть». Такимъ образомъ, повышеніе нравственнаго уровня личности вовсе не находится въ антагонизмѣ съ задачами повиновенія, а, слѣдовательно, и

съ задачами власти, — наоборотъ, оно имъ вполнѣ благопріятствуетъ, — но это повиновеніе съ повышеніемъ нравственнаго развитія, несомнѣнно, должно себѣ въ основу получать не угрозу физической силой, а дѣйствіе авторитетомъ.

Между тѣмъ, никто не станетъ отрицать того, что съ повышеніемъ нравственнаго развитія индивидуумовъ тѣсно связанъ и прогрессъ общественный. Общество, основанное на страхѣ, можетъ состоять только изъ мало развитыхъ въ нравственномъ отношеніи личностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, пока оно остается таковымъ, не можетъ достигнуть и высшаго культурнаго развитія.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, въ обществахъ прогрессивнаго типа повиновеніе добровольное должно преобладать надъ повиновеніемъ подневольнымъ и что самый общественный прогрессъ тѣсно связанъ съ переходомъ отъ типа, основаннаго «на страхѣ» къ типу, основанному «на совѣсти».

Теперь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы должны перейти къ разсмотрѣнію того особаго вида власти, который именуется въ обществахъ правительствомъ. Правительство есть высшая или верховная власть, стоящая въ обществѣ надъ всѣми остальными; это — та власть, къ которой сходятся всѣ каналы повиновенія и отъ которой, въ послѣднемъ счетѣ, исходятъ всѣ соціальныя велѣнія, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ ихъ санкціи и признанія. Верховная власть — едина и она высится надъ цѣлымъ общежитіемъ, объемля своимъ дѣйствіемъ (дѣйствительно, или въ возможности) всѣ его стороны. Правительство — у всякаго народа есть сложное историческое образованіе, которое принимаетъ тотъ или иной конкретный видъ, но всегда играетъ роль высшаго соціальнаго регулятора общественной жизни, и если подкладкой и основаніемъ всякой власти должно служить повиновеніе, то тѣмъ болѣе это необходимо по отношенію къ правительству, дабы оно могло выполнять свою соціальную функцію.

Но если такъ, то спрашивается: какое повиновеніе требуется правительству? или иначе: чѣмъ оно достигаетъ требующагося ему повиновенія — угрозами находящейся въ его рукахъ физической силой, или дѣйствіемъ своего авторитета?

Надо признаться, что этотъ именно вопросъ и является пунктомъ наибольшаго соблазна для тѣхъ, которые готовы отождествлять власть съ физической силой: именно по отно-

шенію къ правительству это отождествленіе и кажется имъ наиболѣе правильнымъ; характеръ власти правительства, какъ разъ, и представляется имъ подтверждающимъ всю ихъ теорію, ибо они думаютъ, что сила правительства покоится не на его соціальномъ авторитетѣ, а на его матеріальныхъ средствахъ и военномъ могуществѣ. Слѣдуетъ сказать даже больше: ходячее представленіе о власти и могуществѣ правительства является источникомъ самой теоріи о тождествѣ власти съ физической силой, и, поэтому, если можно показать невѣрность этой теоріи на этомъ пунктѣ, то она уже нигдѣ не найдетъ для себя точки опоры,—она тогда падетъ сама собою. Итакъ, спросимъ еще разъ: чѣмъ-же поддерживается власть правительства—физической силой, угрозами и страхомъ, или авторитетомъ, довѣріемъ и добровольной готовностью повиноваться?

Правильный отвѣтъ будетъ таковъ: и тѣмъ, и другимъ,—но у культурныхъ народовъ, состоящихъ изъ нравственно-развитыхъ личностей, неизмѣримо больше вторымъ, чѣмъ первымъ; настолько больше, что физическая сила правительства является здѣсь только **придаткомъ** къ его соціальному авторитету, и съ паденіемъ послѣдняго у такихъ народовъ неудержимо падаетъ и самая власть правительства, хотя-бы весь физическій аппаратъ ея оставался цѣликомъ въ рукахъ правительства и оно, съ этой стороны, продолжало-бы казаться ничѣмъ не поврежденнымъ и ничего не потерявшимъ. Съ этой точки зрѣнія, въ противуположность указанной выше ходячей теоріи, надо сказать такъ: правительство, утратившее свой соціальный авторитетъ, не можетъ уже выполнять своей функціи—регулятора соціальной жизни, хотя-бы въ его рукахъ оставалась вся его прежняя физическая сила. При такомъ положеніи дѣла, живая и жизнеспособная страна инстинктивно почувствуетъ, что она осталась безъ правительства и, въ виду крайней опасности такого положенія, какъ съ точки зрѣнія внутренняго порядка, такъ и съ точки зрѣнія внѣшней безопасности, направитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы возсоздать себѣ правительство съ необходимыми качествами соціальнаго авторитета. И можно даже сказать, что въ такіе моменты какъ-бы подвергается испытанію и провѣркѣ самая жизнеспобность народа и его право на историческое существованіе. Народъ, который не

сумѣлъ-бы справиться съ этой задачей, который не возстановилъ-бы у себя, тѣми или иными средствами, правительства, которому-бы онъ могъ вновь довѣриться, какъ соціальному авторитету, и которому онъ вновь готовъ былъ-бы повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть,—такой народъ едва-ли могъ-бы разсчитывать на самостоятельное и достойное историческое существованіе, особенно въ настоящее время, когда историческую арену занимаютъ народы, сами управляющіе своей судьбой.

Постараемся подробнѣе обосновать все, только что сейчасъ сказанное.

Что правительство должно обладать не только соціальнымъ авторитетомъ, но и физической силой, это вытекаетъ изъ того, что всякое общество состоитъ изъ множества гражданъ, среди которыхъ всегда есть нѣкоторая примѣсь лицъ, не желающихъ повиноваться никакому авторитету или, по крайней мѣрѣ, не желающихъ повиноваться тому авторитету, котораго таковымъ добровольно признаетъ огромное большинство членовъ общества. Кромѣ того и каждый изъ гражданъ, будучи вообще готовымъ при нормальныхъ обстоятельствахъ добровольно повиноваться законамъ и правительству своего отечества,—иногда, въ силу страсти или въ силу какого-либо рокового стеченія обстоятельствъ, можетъ выйти изъ повиновенія и стать «преступникомъ». Между тѣмъ порядокъ въ общежитіи долженъ оставаться твердымъ, всякій долженъ питать увѣренность, что онъ можетъ на него положиться, поэтому и поддерживающую его руку, по крайней мѣрѣ для тѣхъ исключительныхъ случаевъ, о которыхъ мы говорили выше, надо вооружить не только авторитетомъ, но и физической силой, чтобы пускать ее въ ходъ тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ авторитетъ. Итакъ, придатокъ физической силы правительству необходимъ, но только придатокъ, не больше! Физическая сила—на мѣстѣ и благодѣтельна, когда ее приходится примѣнять къ единицамъ изъ тысячъ въ рѣдкихъ случаяхъ нарушенія нормальнаго теченія жизни вспышками страстей или дѣйствіями лицъ, вообще настроенныхъ антиобщественно, не желающихъ повиноваться никакому общественному порядку. Но, съ этой точки зрѣнія, и самая физическая сила, требующаяся для поддержанія общественнаго порядка противъ лицъ, его нарушающихъ,

можетъ быть весьма невелика. Если же общественный порядокъ, весь и какъ таковой, начинаетъ терять свой авторитетъ, — если посягательства нарушить его начинаютъ дѣлать не отдѣльныя лица, а цѣлые слои или классы населенія, или вообще множество лицъ, вовсе не настроенныхъ антиобщественно, а просто отчаявшихся въ благодѣтельности и цѣлесообразности этого порядка, — тогда настаивать на поддержаніи такого порядка физической силой — становится или совершенно невозможнымъ, или попытки къ этому начинаютъ не улучшать дѣло, а только безконечно его ухудшать. По самому существу дѣла, общественный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы онъ устойчиво держался самъ собою и только кое-гдѣ требовалъ затраты физической силы и репрессіи по отношенію къ тѣмъ, которые составляютъ вредный грузъ всякаго общественнаго корабля, являясь носителями антиобщественныхъ наклонностей, — если-же общественный порядокъ таковъ, что его въ каждой его точкѣ и по отношенію къ каждому члену общежитія приходится поддерживать силой и репрессіей, то при этихъ условіяхъ можно всѣ силы общежитія затратить на поддержаніе такого порядка и все-таки не достигнуть желаемаго. Такой способъ дѣйствія былъ-бы не только нецѣлесообразенъ, но просто таки неосуществимъ. Нецѣлесообразно, и даже фактически неосуществимо надъ каждымъ обывателемъ поставить городоваго! А если-бы кому-нибудь этотъ примѣръ показался утрированнымъ, то позволю себѣ сослаться на введеніе у насъ сельскихъ стражниковъ, чтобы «силою» предупредить повтореніе аграрныхъ безпорядковъ. Никто теперь не станетъ, конечно, спорить противъ того, что это средство для поставленной цѣли оказалось совершенно непригоднымъ и что затраченные на этотъ предметъ деньги были потрачены совершенно напрасно. Я думаю, что всѣ согласятся теперь также и съ тѣмъ, что режимъ, который утверждалъ, что «нѣтъ денегъ» на школы и который выдавалъ ихъ столь щедрой рукой на усиленіе полиціи — безвозвратно губилъ свой соціальный авторитетъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ живого и жизнеспособнаго народа.

Итакъ, ясно, что правительству, по крайней мѣрѣ, въ современныхъ культурныхъ государствахъ, прежде всего требуется авторитетъ, и что придатокъ физической силы, по крайней мѣрѣ, для поддержанія внутренняго порядка, требуется ему въ весьма

ограниченномъ количествѣ,—несравненно меньше противъ того, сколько ея имѣется въ рукахъ современныхъ правительствъ ради надобностей внѣшней защиты. Во всякомъ случаѣ, полезную роль въ смыслѣ поддержанія внутренняго порядка играетъ только нѣкоторый minimum организованной физической силы,— всякій же избытокъ ея сверхъ этого только вводитъ въ заблужденіе и властвующихъ, и подвластныхъ, создавая иллюзію внѣшней прочности общественнаго порядка, когда онъ, на самомъ дѣлѣ, внутренно подтачивается и теряетъ свою силу. Такъ, многимъ казалось, что обширная деревенская Русь, послѣ снабженія ея «сильной» и «близкой» властью въ лицѣ земскихъ начальниковъ, окрѣпла въ своемъ внутреннемъ порядкѣ, а послѣ дарованія ей сельскихъ стражниковъ даже стала непоколебимой, а, между тѣмъ —увы! именно эти институты (въ соединеніи, конечно, съ другими, столь-же мудрыми мѣрами) его окончательно расшатали, если не совсѣмъ уничтожили. Не очевидно-ли, что тѣ, кто вѣрили во власть, какъ силу, и въ силу, какъ власть,—безконечно ошибались и что самая эта вѣра есть пагубнѣйшая соціальная иллюзія!

Правительству нуженъ авторитетъ. Какого-же рода этотъ авторитетъ? Изъ какихъ данныхъ онъ составляется и чѣмъ онъ поддерживается?

Не трудно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Разъ правительство является верховнымъ вождемъ общественной жизни, то его авторитетъ можетъ проистекать не изъ чего другого, какъ только изъ удачнаго выполненія имъ своей задачи, т. е. высшаго руководства всей общественной жизнью. Всякій народъ, всякое общество имѣетъ извѣстныя потребности, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, всякій народъ ставится ходомъ событій передъ извѣстными задачами, какъ внутренними, такъ и внѣшними,—и, вотъ, правительству при всемъ этомъ приходится стоять въ центрѣ и во главѣ всей народной жизни, оно должно принять на себя верховное руководство выполненіемъ задачъ народа, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ и должно такъ направлять народную жизнь, чтобы достаточно удовлетворялись потребности народа, какъ матеріальныя, такъ и духовныя. Ради выполненія указанныхъ задачъ, ради удовлетворенія народныхъ потребностей,—словомъ, ради всего того, что совокупно называется «общимъ благомъ» народъ приноситъ жертвы,

какъ матеріальныя, такъ и духовныя, онъ добровольно отдаетъ въ руки правительству свое повиновеніе,—но за то онъ, въ концѣ концовъ, если это только народъ жизнеспособный и сознательный,—потребуетъ соотвѣтствія дѣйствій правительства общественному благу и, если такого соотвѣтствія не будетъ, поставитъ это въ вину своему правительству. Такимъ образомъ, ясно, что источникъ соціальнаго авторитета правительства лежитъ въ немъ самомъ: въ соотвѣтствіи его дѣятельности общественному благу и въ удачномъ разрѣшеніи имъ тѣхъ историческихъ задачъ, какія ходъ событій выдвигаетъ передъ даннымъ народомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и авторитетъ каждаго правительства можетъ нарастать, или держаться на одномъ уровнѣ, или, наконецъ, падать.

Но говоря все это и настаивая на полной правильности утвержденія, что основа соціальнаго авторитета правительства вполнѣ реальная, а именно соотвѣтствіе его дѣятельности общему благу и удачное выполненіе имъ историческихъ задачъ народа,—мы должны, однако, сдѣлать ту оговорку, что все это явленіе соціальнаго авторитета правительства есть явленіе громоздкое и конкретное. Въ основѣ его лежитъ указанная простая логическая формула, но не въ своемъ чистомъ видѣ, а, какъ-бы, обросшая и отягченная всѣми свойствами соціальной среды. Не надо забывать, что дѣятельность правительства оцѣниваетъ и его авторитетъ котируетъ не чистый логическій умъ, а сложная соціальная среда, почему и самая оцѣнка оказывается преломленной черезъ всѣ свойства мышленія и чувства этой среды. Поэтому дѣло обыкновенно происходитъ такъ: какія-либо крупныя заслуги передъ страной какого-либо правительства или отдѣльныхъ его представителей надолго устанавливаютъ его авторитетъ передъ народомъ, и чѣмъ этотъ авторитетъ старѣе и крупнѣе, тѣмъ онъ сильнѣе оказывается разукрашеннымъ народной фантазіей и чувствомъ; иногда дѣло доходитъ даже до приписыванія ему божественныхъ свойствъ и происхожденія. Въ силу этого, разъ установившійся авторитетъ оказывается состоящимъ не только изъ первоначальной реальной основы, но и изъ многихъ добавочныхъ элементовъ, которые придаютъ ему дополнительную силу и часто даже затемняютъ его первоначальную основу: самому народу можетъ казаться, что онъ повинуется своему прави-

тельству не потому, что оно правильно руководитъ или руководило общественной жизнью, а потому что оно просходитъ отъ самого божества, или потому, что его право на управленіе страной независимо отъ утилитарной основы или вполнѣ свободно отъ народной оцѣнки и признанія. Словомъ, здѣсь происходитъ сложная историческая игра, участникомъ которой является цѣлый народъ со всѣми свойствами своей психологіи и которая облекаетъ голую логическую формулу сложной и затѣйливой исторической одеждой. Однако, эта сложность и затѣйливость внѣшности явленія не должна насъ обманывать насчетъ его дѣйствительнаго соціальнаго существа, насчетъ его дѣйствительной соціальной логики.

Итакъ, это одна оговорка: авторитетъ правительства можетъ быть давняго происхожденія и при этомъ можетъ быть разукрашенъ народнымъ чувствомъ и народной фантазіей. Другая оговорка, которую мы должны здѣсь сдѣлать, настаивая на вполнѣ реальной основѣ всякаго правительственнаго авторитета, заключается въ томъ, что авторитетъ правительства, разъ уже образовавшись, дѣйствуетъ, **какъ цѣлое**, а не отдѣльными своими частями и не въ связи съ отдѣльными своими проявленіями. Съ этой стороны механизмъ власти правительства и соотвѣтствующаго ему повиновенія обстоитъ въ слѣдующемъ видѣ: правительство имѣетъ, какъ-бы, **общее** полномочіе на верховное управленіе страной и народомъ и, во имя этого общаго полномочія, проявляетъ въ общественной средѣ массу отдѣльныхъ **актовъ** власти *). Этой массѣ актовъ власти соотвѣтствуетъ масса актовъ повиновенія, но все это повиновеніе оказывается правительству, если можно такъ выразиться, **оптомъ**, а не въ **розницу**. Если общій авторитетъ правительства силенъ и крѣпокъ, то отдѣльные граждане уже не ставятъ своего повиновенія въ зависимость отъ свойства отдѣльныхъ требованій правительства,—отъ ихъ цѣлесообразности, разумности или соотвѣтствія общему благу; правда, въ средѣ чуткой и сознательной отдѣльные акты правительственной власти, конечно, подвергаются обсужденію и оцѣнкѣ и каждый изъ нихъ, въ соотвѣтствіи со своими особенными свойствами, такъ или иначе дѣйствуетъ на общество, но самая охота повиноваться велѣніямъ власти гораздо больше

*) Въ этой общей постановкѣ мы не отличаемъ актовъ законодательныхъ отъ актовъ исполнительныхъ или судебныхъ.

зависитъ отъ общей силы авторитета правительства, чѣмъ отъ качествъ отдѣльныхъ его актовъ; качества отдѣльныхъ актовъ, какъ бы тонутъ или стушевываются передъ общимъ авторитетомъ правительства и если послѣдній крѣпокъ, то такъ-же твердо повинуются нецѣлесообразнымъ и, можетъ быть, даже вреднымъ актамъ правительства, какъ и разумнымъ и полезнымъ. Словомъ, авторитетъ правительства является, какъ-бы, общимъ резервуаромъ, гдѣ накопляется, исходя отъ его согласныхъ съ общимъ благомъ дѣйствій, сила его соціальнаго вліянія, которая затѣмъ уже и дѣйствуетъ на отдѣльные случаи своимъ общимъ напряженіемъ; поэтому, если это общее напряженіе велико, то оно легко преодолѣваетъ сопротивленіе воли и разума гражданъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдніе оказываются въ антагонизмѣ съ велѣніями правительства.

Въ результатѣ, повиновеніе остается непоколебимымъ, не смотря на особенности частныхъ случаевъ, и оказывается правительству оптомъ, какъ цѣлому, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно его требуетъ.

Въ силу всего сказаннаго, хотя авторитетъ всякаго правительства покоится на вполнѣ реальной основѣ соотвѣтствія его дѣйствій общему благу, народнымъ потребностямъ и общественнымъ задачамъ, но когда онъ уже существуетъ, то кажется, будто онъ представляетъ собою нѣчто готовое и данное, какъ-бы независимое отъ текущихъ вліяній минуты; кажется, что авторитетъ правительства представляетъ несокрушимую скалу, объ которую разбиваются набѣгающія на нее волны, безсильныя въ чемъ-бы ни было ее повредить, или причинить ей какой-бы то ни было ущербъ. Это зависитъ отъ того, что въ составъ авторитета правительства, разъ уже онъ существуетъ, входитъ все его прошлое, да еще разукрашенное воображеніемъ и чувствомъ, и, сверхъ этого, еще и его текущія заслуги; поэтому-то тѣ противу-теченія, которыя непремѣнно образуются по поводу неудачныхъ и неразумныхъ дѣйствій всякаго правительства, оказываются столь ничтожными передъ общей его силой и она весьма легко ихъ всѣ преодолѣваетъ.

Но не слѣдуетъ обманываться этой общей картиной несокрушимости; не слѣдуетъ забывать, что общественный процессъ ни на минуту не останавливается; что всякое дѣйствіе правительства порождаетъ общественную реакцію, которая

въ однихъ случаяхъ становится **слагаемымъ** суммы соціальнаго авторитета правительства, а, въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, **вычитаемымъ** по отношенію къ его общей величинѣ; слагаемыя идутъ на пользу общей величинѣ, вычитаемыя, наоборотъ, ее уменьшаютъ,—и если балансъ прихода и расхода будетъ невыгоднымъ въ теченіе долгаго времени, или если по какимъ-либо причинамъ, произойдутъ сразу крупныя въ немъ потери, то весь процессъ можетъ кончиться уничтоженіемъ авторитета правительства. Подобно тому, какъ всякая физическая скала не несокрушима, но можетъ быть подточена ударами набѣгающихъ волнъ или сокрушена какой-либо крупной катастрофой, такъ и нравственно-общественныя величины, одной изъ каковыхъ является соціальный авторитетъ правительства, также не могутъ быть несокрушимыми: они также (и, можетъ быть, еще съ большей легкостью) могутъ быть уничтожены, какъ медленнымъ, неблагопріятнымъ для нихъ процессомъ, такъ и какими-нибудь внезапными сильными ударами.

Но если вѣрно, что авторитетъ всякаго правительства не есть что-либо разъ навсегда данное и ничѣмъ несокрушимое, а, наоборотъ, подверженъ непрерывному процессу измѣненія съ вѣчнымъ приходомъ и расходомъ; если вѣрно, что статьи этого прихода и расхода являются прямымъ результатомъ удачнаго или неудачнаго выполненія правительствомъ выдвигаемыхъ временемъ задачъ, а также удовлетворенія или неудовлетворенія имъ постоянныхъ и текущихъ потребностей народа,—то очевидно, что правительство, дабы не терпѣть ущерба въ своемъ авторитетѣ, должно всегда стремиться къ соотвѣтствію по возможности всѣхъ своихъ актовъ тому, что собирательно именуется «общимъ благомъ», должно всегда оставаться во взаимодѣйствіи съ общественными потребностями, охотно идти имъ навстрѣчу, во время улавливать ихъ перемѣны и никогда не замыкаться въ самодовольствѣ и самоувѣренности; оно должно свободно допускать вліяніе на него общественнаго мнѣнія и относиться къ нему съ полнымъ благожелательствомъ и уваженіемъ, ибо нельзя знать и удачно удовлетворять народныхъ потребностей безъ указаній на нихъ и по поводу нихъ самого народа.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что на высшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія потребности всякаго народа становятся столь сложны и разнообразны, игра и соотношеніе интересовъ

внутри народа столь запутаны, а потому и установленіе того, что есть «общее благо» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ столь трудно,— что для того, чтобы сохранить желаемый характеръ дѣятельности правительства, приходится въ самый составъ его ввести представителей населенія и путемъ особой организаціи дать мѣсто коллективному уму и волѣ народа въ самомъ управленіи страной. И когда это сдѣлано, тогда мало по малу уничтожается самое обособленіе правительства отъ народа, тогда самъ народъ является созидателемъ своего благополучія и виновникомъ своихъ несчастій, тогда ему не на кого жаловаться, и тогда самый вопросъ о соціальномъ авторитетѣ правительства теряетъ свою остроту, ибо оказывается вполнѣ обезпеченнымъ правильный приливъ этого авторитета изъ нѣдръ самого народа, колебанія этого авторитета перестаютъ быть очень рѣзкими и въ лицѣ своего правительства народъ какъ разъ получаетъ то, чего онъ заслуживаетъ и что онъ самъ можетъ дать. Это и есть нормальное положеніе вопроса о правительствѣ, объ его власти и объ его соціальномъ авторитетѣ. Самоуправленіе народа можетъ быть лучше или хуже организовано, въ зависимости отъ свойствъ самого народа оно можетъ давать тѣ или иные результаты, но съ установленіемъ его вопросъ о соціальномъ авторитетѣ правительства находитъ свое окончательное и удовлетворительное принципіальное разрѣшеніе.

Предыдущимъ—можно считать установленными, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, положительныя основы теоріи власти правительства и его соціальнаго авторитета. Теперь мы должны перейти къ особо насъ въ настоящее время интересующему вопросу о возможномъ паденіи авторитета правительства вмѣстѣ съ неизбѣжно сопровождающимъ его паденіемъ и самой его власти. О причинахъ такого паденія мы уже говорили: ими является или общее продолжительное несоотвѣтствіе дѣятельности правительства народному благу, или внезапныя крупныя неудачи, разоблачающія неспособность правительства стоять на высотѣ задачъ, выдвигаемыхъ временемъ, или то и другое вмѣстѣ. Замѣтимъ, что въ качествѣ крупныхъ неудачъ, особенно подрывающихъ авторитетъ правительства, чаще всего, являются пораженія на войнѣ, для всѣхъ совершенно наглядныя и съ особенной силой дѣйствующія на народное самолюбіе и на чувство безопасности. Было-бы, ко-

нечно, крайне интересно прослѣдить детально дѣйствіе тѣхъ и другихъ причинъ и разсмотрѣть самый процессъ подтачиванья ими правительственнаго авторитета и власти, но мы для этого совершенно не имѣемъ времени, и потому вынуждены здѣсь обратиться прямо къ окончательному результату. Мы спрашиваемъ,—что-же должно наступить, когда соціальный авторитетъ какого-либо правительства оказывается разрушеннымъ? Должна наступить общественная анархія и неповиновеніе. Если правильно наше предыдущее изложеніе,—если, дѣйствительно, общественный порядокъ и общественная дисциплина въ своей основной массѣ зависятъ вовсе не отъ угрозъ и не отъ физической силы, а отъ соціальнаго авторитета правительства, отъ довѣрія къ нему общества и отъ добровольной охоты ему повиноваться,—то съ уничтоженіемъ этихъ истинныхъ основъ общественнаго порядка, очевидно, долженъ рухнуть и послѣдній. И если при нормальныхъ условіяхъ правительству оказывается **оптомъ** повиновеніе, то при описанныхъ ненормальныхъ условіяхъ, надо ожидать обратнаго—массоваго неповиновенія. Если члены общежитія повинуются правительству и законамъ, не входя въ разборъ отдѣльныхъ случаевъ, а полагаясь на качество **цѣлаго**, то это-же свойство обывательской психологіи должно сказаться и на неповиновеніи: потерявъ вѣру въ общій авторитетъ правительства и законовъ, члены общежитія начинаютъ не повиноваться, не входя въ разборъ отдѣльныхъ случаевъ, а только полагаясь на правильность общаго неблагопріятнаго вывода. И мы можемъ здѣсь констатировать, вѣроятно, къ искреннему удивленію поклонниковъ теоріи грубой физической силы—нѣчто даже большее: ослабленіе соціальнаго авторитета правительства съ сопровождающимъ его неповиновеніемъ, обусловленнымъ именно этой причиной, начинаетъ неблагопріятно отзываться и на томъ повиновеніи, которое въ обычное время, зависитъ именно отъ угрозъ физической силой и потому сводится къ «страху», а не къ «совѣсти». При описанномъ положеніи начинаетъ просыпаться и разнуздываться въ обществѣ тотъ «звѣрь», который, казалось-бы, давно уже усмиренъ и скованъ чисто физическими угрозами; начинаютъ оказывать неповиновеніе тѣ антиобщественные элементы, на которые, казалось-бы, уже давно надѣтъ намордникъ въ видѣ общей уголовной репрессіи и наказаній, которые покорены и

держатся въ повиновенiи несомнѣнной силой. Такимъ образомъ, приходится придти къ выводу, что при паденiи соцiальнаго авторитета правительства серьезно ослабляется и дѣйствiе его физическаго могущества: ему перестаютъ повиноваться не только тѣ, которые раньше дѣлали это за «совѣсть», но и тѣ, которые раньше дѣлали это изъ страха. Общественная анархiя начинаетъ проникать рѣшительно во всѣ каналы и на волю вырываются даже тѣ страсти и инстинкты, которые составляютъ низшую сторону человѣческой природы, уступающую только силѣ и страху...

Такова предположительная картина общества при паденiи въ немъ соцiальнаго авторитета правительства, вытекающая изъ всей нашей предыдущей теорiи. Если власть есть, въ сущности, только результатъ повиновенiя и если повиновенiе, по крайней мѣрѣ, въ культурныхъ обществахъ и въ средѣ нравственно-развитыхъ личностей, зависитъ гораздо больше отъ авторитета, чѣмъ отъ физической силы, то отсюда прямо вытекаетъ, что паденiе авторитета правительства должно вести къ массовому неповиновенiю, а, слѣдовательно, и къ паденiю власти, хотя-бы въ ея распоряженiи оставалась вся ея прежняя физическая сила.

Изложивши предъ вами всю эту теорiю, надо-ли мнѣ теперь еще особо доказывать, что нынѣшнее состоянiе Россiи является для нея только простой иллюстрацiей и что я былъ совершенно правъ, сказавши въ началѣ своей рѣчи, что дiагнозъ нынѣшняго состоянiя Россiи можетъ и долженъ быть сведенъ къ утвержденiю, что теперь у насъ правительства, какъ соцiальнаго регулятора, нѣтъ,—что у насъ нѣтъ дѣйствительной правительственной власти, потому что соцiальный авторитетъ правительства разрушенъ и въ его рукахъ осталась одна физическая сила? Полагаю, что теперь приводить особыхъ доказательствъ въ пользу этого дiагноза мнѣ нѣтъ уже никакой надобности, а остается только напомнить тѣ факты, которые у всѣхъ передъ глазами. Замѣчу только, что я буду указывать эти факты со всей откровенностью и прямотой, ибо страна, дошедшая до такой глубины несчастiй, какъ въ настоящее время Россiя, мнѣ кажется, имѣетъ право на полную правду и обязана этой полной правдѣ прямо смотрѣть въ глаза. Только смѣлая рѣшимость считаться со всей правдой можетъ служить теперь

залогомъ того, что русскій народъ сумѣетъ выйти изъ глубины своихъ несчастій и прочно обезпечить себѣ лучшее будущее.

Что нынѣшнее русское правительство потеряло весь свой соціальный авторитетъ, какъ верховнаго руководителя общественной жизни, это наглядно до очевидности. Стоитъ только назвать нынѣшній режимъ его истиннымъ именемъ—господствомъ **бюрократіи**, и съ этимъ согласятся всѣ безъ всякаго различія лагерей и убѣжденій. Что нынѣшняя Россія управляется **чиновничествомъ** и что это управленіе никуда негодно— это всеобщее согласное убѣжденіе. Мнѣнія расходятся насчетъ коренной причины такого управленія и насчетъ средствъ къ его устраненію,—не всѣ согласны съ тѣмъ, что нашъ нынѣшній государственный строй только и способенъ давать чиновническое управленіе, также какъ не всѣ согласны въ томъ, что для устраненія его необходимо коренное измѣненіе самого государственнаго строя,—но самая оцѣнка результатовъ управленія и признаніе того, что оно привело насъ на край гибели и разоренія — въ этомъ никто не расходится, также какъ никто не расходится и въ признаніи того, что бюрократія не можетъ вывести насъ изъ нынѣшняго положенія, если не уступитъ своего господства кому-то другому. Бюрократія, какъ руководитель нашей государственной жизни, дискредиторована до конца и безъ остатка. Ей никто не вѣритъ, на нее никто не надѣется, она возбуждаетъ во всѣхъ только чувства горечи и негодованія.

Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что нынѣшнее правительство, какъ таковое и въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, потеряло всякій авторитетъ въ глазахъ населенія,— этотъ фактъ, независимо отъ различій въ объясненіи его происхожденія и во взглядахъ на средства къ его устраненію, непререкаемъ и очевиденъ.

Что-же привело насъ къ этому положенію вещей? какіе удары разрушили авторитетъ нынѣшняго правительства? —Оно само своимъ образомъ дѣйствій и своими пріемами управленія страной привело къ этому положенію вещей, само сдѣлало все, чтобы погубить свой соціальный авторитетъ,—и даже тотъ внѣшній ударъ, который окончательно его разрушилъ—наше пораженіе на Дальнемъ Востокѣ—есть только про-

стое слѣдствіе полной неспособности нынѣшней правящей бюрократіи къ выполненію такихъ трудныхъ и сложныхъ предпріятій, какъ современная война, неспособности, осложненной притомъ продажностью, отсутствіемъ всякаго чувства отвѣтственности и слѣпой самоувѣренностью.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, съ того времени какъ реформаціонное движеніе 60-хъ годовъ стало смѣняться противуположнымъ ему контръ-реформаціоннымъ теченіемъ, наше правительство перестало сколько-нибудь серьезно считаться съ общимъ благомъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на усиленіи и поддержаніи власти чисто внѣшними средствами и пріемами. Власть, какъ самостоятельный факторъ, противупоставили всему остальному въ общественной жизни и открыто провозгласили, что для поддержанія власти надо жертвовать всѣмъ остальнымъ. Политика эта, расширяясь на всѣ сферы жизни, разрастаясь, какъ саркома, доведена была, наконецъ, до полнаго ея завершенія покойнымъ Плеве.

Пренебреженіе всѣми культурными и общественными задачами страны ради внѣшней субординаціи и порядка не могло, конечно, сразу произвести своего дѣйствія, но продолжаемое въ теченіе десятковъ лѣтъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, сопровождаемое безжалостнымъ подавленіемъ всѣхъ протестовъ, возникавшихъ противъ такого государственнаго курса,—оно не могло не отразиться паденіемъ соціальнаго авторитета правительства, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ всего живого и мыслящаго въ странѣ. А когда къ этому присоединилась еще безразсудная война, начатая съ величайшимъ легкомысліемъ и сопровождавшаяся для насъ цѣлымъ рядомъ столь тяжкихъ пораженій, что равныя имъ едва-ли можно отыскать во всей нашей исторіи; когда народъ, уже какъ цѣлое и во всей своей массѣ, не только ощутилъ жестокій ударъ своему самолюбію, но и почувствовалъ, что ему приходится опасаться за свою государственную цѣлость и безопасность; когда война, какъ обширное и сложное предпріятіе, съ полной наглядностью показала, что мы жестоко отстали отъ всѣхъ культурныхъ народовъ,—тогда, естественно, возникъ въ народномъ сознаніи вопросъ о виновникѣ всего происшедшаго и этимъ виновникомъ былъ признанъ режимъ, вся эта система бюрократическаго управленія страной съ его бумажнымъ благополучіемъ и съ

полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ жизненнымъ задачамъ страны. Народъ, такимъ образомъ, произнесъ свой справедливый приговоръ надъ своимъ управленіемъ, осудилъ его безповоротно, призналъ, что дѣло по прежнему оставаться не можетъ, что должны быть созданы новыя основы управленія.

Однако, для самой бюрократіи — и всего этого оказалось еще мало. Русскій народъ смиренъ и терпѣливъ, онъ вовсе не страдаетъ излишней строптивостью, онъ готовъ довѣриться и повиноваться при первой надеждѣ на то, что это повиновеніе, дѣйствительно, требуется отъ него во имя блага страны. При такихъ условіяхъ стоило только режиму искренно сознать свои грѣхи и свою вину; стоило ему, во имя блага страны, серьезно рѣшиться на требуемыя временемъ и обстоятельствами перемѣны; стоило ему взять въ свои руки иниціативу этихъ перемѣнъ и повести къ нимъ государство безъ остановокъ и поворотовъ назадъ,—и его авторитетъ снова поднялся-бы на недосягаемую высоту и оно стало бы во главѣ общественнаго движенія къ новымъ основамъ и къ новому порядку нашей государственной жизни. Но нынѣшнее правительство этого не захотѣло: оно и при вновь создавшихся обстоятельствахъ продолжаетъ безжалостно губить и уничтожать свой авторитетъ. Оно не хочетъ искренно покаяться, оно упорствуетъ, оно настаиваетъ на власти, ради самой власти, оно не хочетъ отказаться отъ своихъ устарѣвшихъ прерогатовъ,—и въ то-же время проявляетъ полное безсиліе и безпринципность, оно не имѣетъ даже вида настоящей грубой силы, а скорѣе видъ жалкой слабости, которая не понимаетъ всей серьезности положенія и торгуется изъ-за словъ, когда нужна благородная рѣшимость на дѣлѣ...

Нѣтъ, — мы нисколько не преувеличиваемъ дѣла, когда утверждаемъ, что въ настоящее время соціальный авторитетъ правительства совершенно разрушенъ, что его нѣтъ, что общественная жизнь идетъ сама по себѣ, не регулируемая правительствомъ, и что намъ грозятъ всѣ великія опасности, связанныя съ такимъ состояніемъ государства, когда у него нѣтъ авторитетнаго верховнаго руководства....

Но если столь нагляденъ даже фактъ идеальнаго и притомъ отрицательнаго свойства,— тотъ фактъ, что соціальный авторитетъ правительства въ странѣ совершенно уничтоженъ, что его теперь нѣтъ въ Россіи,—то что же сказать о фактѣ—

уже матеріальномъ и положительномъ — который долженъ составлять прямое и необходимое послѣдствіе перваго,—о фактѣ массового неповиновенія правительству и существующимъ законамъ? Имѣется-ли уже у насъ такое массовое неповиновеніе, началось-ли оно уже, или его еще нѣтъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ болѣе, чѣмъ очевиденъ: оно началось, оно разрастается съ каждымъ днемъ и на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, оно явно принимаетъ характеръ заразы и эпидеміи, оно уже не стоитъ въ непосредственномъ соотношеніи съ разумностью или неразумностью отдѣльныхъ актовъ правительства, оно превращается въ такое-же неповиновеніе **оптомъ**, какимъ при нормальныхъ условіяхъ бываетъ повиновеніе! Посмотрите, въ какихъ только сферахъ жизни нѣтъ уже этого неповиновенія! Вся учебная жизнь охвачена неповиновеніемъ сверху до низу: высшія учебныя заведенія закрыты, потому что при нынѣшнихъ условіяхъ студенты не хотятъ учиться, профессора не хотятъ учить, и это заявлено во всеуслышаніе отъ имени совѣтовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Забастовка учащихся перешла даже въ среднія учебныя заведенія, чего, по крайней мѣрѣ, въ столь массовыхъ размѣрахъ, кажется, еще никогда и нигдѣ не бывало... Земства и города также въ явномъ неповиновеніи,—съ мужествомъ истинно-гражданскихъ корпорацій, они прорываются черезъ существующія преграды, чтобы вести насъ къ лучшему государственному порядку; чуть не всѣ общественныя учрежденія—провозгласили оппозиціонныя резолюціи, представители всѣхъ либеральныхъ профессій организуются во всероссійскіе союзы, легально совершенно никѣмъ не признанные, дѣйствующіе самопроизвольно, но за то уже теперь представляющіе собою крѣпкія и авторитетныя организаціи. Словомъ, весь верхній культурный слой населенія страны сталъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, совершенно игнорируя существующія легальныя преграды и запрещенія. А что сказать о «глубинѣ» Россіи, въ которой такъ долго, по выраженію поэта, царствовала пресловутая «вѣковая тишина»? Что сказать о несомнѣнно уже у насъ сложившемся рабочемъ классѣ? что сказать о крестьянствѣ? Станетъ-ли кто утверждать, что въ нихъ по прежнему господствуетъ эта «вѣковая тишина»? Едва-ли. Развѣ рабочіе не находятся въ постоянной, хронической забастовкѣ? развѣ эта забастовка не перекатывается изъ конца въ

конецъ Россіи и развѣ она не вспыхиваетъ то тамъ, то здѣсь актами сопротивленія, доходящаго до кровавыхъ столкновеній? И развѣ бастующіе рабочіе выставляютъ только одни экономическія требованія?

А наше крестьянство? Развѣ оно не превратилось все сплошь въ недовольную, обнищавшую массу, постоянно грозящую намъ взрывами аграрныхъ безпорядковъ? И неужели можно себя обманывать на счетъ смысла и значенія этихъ безпорядковъ? Развѣ не обязаны мы прямо себѣ сказать, что первый-же обширный неурожай можетъ дать намъ такую площадь крестьянскихъ волненій, передъ которой намъ придется стать въ отчаяніе? Развѣ можно закрывать глаза на такую перспективу, или утѣшаться тѣмъ, что до сихъ поръ мы успѣшно справлялись съ крестьянскими волненіями—справлялись посредствомъ порки, военныхъ постоевъ, негласныхъ судовъ и т. п.?

Картину современной Россіи можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: верхніе культурные классы—въ полномъ идейномъ и отчасти фактическомъ неповиновеніи правительству; рабочій классъ—и въ идейномъ и въ фактическомъ неповиновеніи; крестьянство—въ крайне опасномъ состояніи полной готовности къ фактическому, хотя и политически—безъидейному неповиновенію. Словомъ, вся страна—въ состояніи крайняго недовольства существующимъ порядкомъ и совершенно не вѣритъ тому, чтобы нынѣшнее правительство хотѣло и могло вывести ее на правильную дорогу. Механизмъ цѣлесообразнаго нормальнаго регулированія общественной жизни сверху прекратился, —есть только давленіе сверху,—продолжающееся давленіе грубой физической силой. Можетъ-ли жизнеспособный народъ остаться при такомъ положеніи вещей?

Но въ описанной картинѣ слѣдуетъ указать еще одну важную подробность, которую мы предвидѣли съ теоретической точки зрѣнія, а именно пробужденіе давно усмиреннаго «звѣря» въ обществѣ, пробужденіе тѣхъ антиобщественныхъ элементовъ и инстинктовъ, которые ищутъ себѣ исхода въ безсмысленныхъ и звѣрскихъ преступленіяхъ—грабежа, разрушенія, поджога, убійства и пр. Развѣ этотъ звѣрь уже не вырывается на свободу со свойственными ему одному пріемами и проявленіями, наводящими ужасъ на все культурное населеніе? Въ этомъ отношеніи, едва-ли не самымъ типичнымъ фактомъ

представляется недавній ялтинскій погромъ, повидимому, весь цѣликомъ представляющій собою дѣло только общественныхъ поддонковъ и никого больше.

Говоря объ этомъ пробужденіи антиобщественнаго «звѣря», нельзя также не упомянуть, что есть масса приверженцевъ существующаго строя, которые этому радуются и на это возлагаютъ свои лучшія надежды. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, они, въ помощь «звѣрю» формируютъ «черную сотню», которую также доводятъ до звѣрскаго состоянія. Но не есть-ли это безуміе самое ужасное изъ всѣхъ? Неужели можно сомнѣваться въ томъ, что выпущенный звѣрь уже не будетъ разбирать никого: ни тѣхъ, кто его держалъ взаперти, ни тѣхъ, кто его выпустилъ.... Неужели нашу соціальную распрю, и безъ того столь пагубную, и безъ того сопровождающуюся кровавыми жертвами, надо еще осложнять безсмысленными звѣрствами хулигановъ, черной сотни, пьяной толпы и пр.? Неужели нашу горькую чашу мы должны выпить со всѣмъ тѣмъ осадкомъ, который лежитъ на самомъ ея днѣ? И если нѣкоторая примѣсь этого осадка неизбѣжна при всякомъ движеніи жидкости въ чашѣ, то неужели надо еще нарочно взмутить весь этотъ осадокъ, чтобы онъ поднялся до самаго верха и отравилъ своими качествами весь напитокъ? Да, созерцая ходъ нашей современной русской жизни и дѣйствія правительства вмѣстѣ съ тѣми элементами нашего общества, которые во что-бы то ни стало хотятъ насъ оставить въ старыхъ формахъ жизни, приходится сказать, что Россіи, при ея переходѣ къ новому порядку, придется, вѣроятно, испить чашу до дна и со всею тою горечью неразумія, упорства, неспособности, бахвальства и прочихъ прелестей, которыя накопились на днѣ нашего историческаго сосуда.... Что-жъ? великая страна во всякомъ случаѣ должна добиться нормальныхъ условій существованія, если она не желаетъ сойти съ исторической сцены и превратиться въ матеріалъ для исторіи вмѣсто того, чтобы быть дѣятелемъ исторіи.

Чтобы закончить характеристику современнаго положенія въ Россіи, позвольте мнѣ, въ заключеніе, воспользоваться сравненіемъ, заимствованнымъ изъ сферы политической экономіи. Мы всѣ хорошо знаемъ что такое бумажныя деньги и что требуется для того, чтобы онѣ нормально функціонировали въ качествѣ денегъ: для этого требуется поддержаніе ихъ непрерыв-

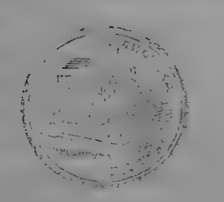
наго размѣна на настоящее золото. Когда этого размѣна нѣтъ, —тогда и достоинство бумажныхъ денегъ, въ качествѣ таковыхъ, становится все болѣе и болѣе проблематичнымъ. И если не соображаясь ни съ чѣмъ, злоупотреблять только печатнымъ станкомъ и бумагой, то можно довести, наконецъ, дѣло до того, что «курсъ» бумажныхъ денегъ упадетъ до чрезвычайности и «бумажныя» деньги превратяться въ простыя «бумажки».

Совершенно такое-же явленіе можетъ случиться и съ властью правительства. Оно проявляетъ эту власть и въ крупныхъ размѣрахъ, и по мелочамъ, проявляетъ множествомъ путей и въ тысячахъ актовъ. Для того, чтобы дѣло шло правильно, надо, чтобы всѣ акты власти правильно и безпрепятственно размѣнивались на соціальное золото—общественное благо. Когда-же этотъ размѣнъ прекращается, тогда и кредитъ актовъ власти начинаетъ неудержимо падать. И если правительство, не соображаясь ни съ чѣмъ, «выпускъ» актовъ власти продолжаетъ,—продолжаетъ неограниченно, размножая ихъ до чрезвычайности, тогда и ихъ «курсъ» можетъ упасть до нуля,—до того, что въ нихъ нельзя будетъ видѣть ничего, кромѣ простой макулатуры.

И надо-ли говорить, что именно это и произошло съ властью русскаго правительства? Оно уже давно и открыто стало на путь «власти ради власти», оно давно стало предпочитать власть общественному благу, прекративъ свободный размѣнъ первой на послѣднее. Что-же удивительнаго въ томъ, что послѣ того какъ это положеніе длилось нѣсколько десятковъ лѣтъ, послѣ того какъ этотъ образъ дѣйствій примѣняли и въ большомъ, и въ маломъ,—послѣ того какъ страна въ этомъ горько и наглядно убѣдилась, ощутивъ тяжелое внѣшнее пораженіе,—что-же удивительнаго въ томъ, что акты власти нынѣшняго правительства превратились въ простыя бумажки, которымъ никто не вѣритъ и которыхъ никто не принимаетъ?

Выходъ изъ этого положенія только одинъ: возстановить размѣнъ власти на «золото» общественнаго блага,—а это возможно только путемъ возстановленія соціальнаго авторитета правительства. Русское правительство надо вновь сдѣлать авторитетнымъ въ глазахъ населенія, надо перестроить его такъ, чтобы оно стало сознавать, въ чемъ состоитъ общественное

благо, и получило охоту, дѣйствительно, къ нему стремиться. Въ составъ русскаго правительства надо ввести **разумъ и волю русскаго народа**. Пока этого нѣтъ и пока нынѣшнее правительство не обнаруживаетъ даже охоты дать этому мѣсто,—положеніе страны остается чрезвычайно опаснымъ, а тотъ путь, которымъ она добьется нормальнаго положенія—болѣе, чѣмъ загадочнымъ.

Н. А. Гредескулъ. — Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. Харьковъ, 1900 г. Цѣна 2 руб.

Его-же. — Соціологическое изученіе права. СПБ., 1900 г. Цѣна 15 коп.

Его-же. — »Марксизмъ и идеализмъ«, изданіе 2-е. Харьковъ, 1905 г. Цѣна 40 коп.

Антонъ Менгеръ. — »Соціальныя задачи юриспруденціи«. Переводъ Н. А. Гредескула. Харьковъ, 1896 г. Цѣна 20 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Н. А. Гредескулъ. — »Современные вопросы права«. Харьковъ, 1905 г.
